

Archie Brown

The Myth of the Strong Leader:

**Political Leadership
in the Modern Age**

Арчи Браун

Типы лидеров

**о п р е д е л и т ь
н а й т и п о д х о д
д о б и т ь с я с в о е г о**

БОМБОРА™

Москва 2019

УДК 159.9
ББК 88.5
Б87

Archie Brown
THE MYTH OF THE STRONG LEADER:
POLITICAL LEADERSHIP IN THE MODERN AGE

Copyright © 2014 by Archie Brown

Браун, Арчи.
Б87 Типы лидеров. Определить, найти подход, добиться своего / Арчи Браун ; [пер. с англ. Е. Деревянко]. – Москва : Эксмо, 2019. – 416 с. – (Top Business Awards).

ISBN 978-5-04-097976-9

Разбор характеров и главных стратегий управления лидеров! Браун провел исследование выдающихся руководителей прошлого и разобрал их по ключевым типам, которые станут ключом к пониманию лидерства. Книга поможет проанализировать слабые и сильные стороны личности, научиться использовать эти знания для эффективного управления окружающими и отстаивать свои позиции в переговорах.

УДК 159.9
ББК 88.5

ISBN 978-5-04-097976-9

© Деревянко Е., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	21
<i>Глава 1</i>	
ЛИДЕРЫ В КОНТЕКСТЕ	44
<i>Глава 2</i>	
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО: МИФЫ, СИЛЫ, СПОСОБЫ	78
<i>Глава 3</i>	
ПЕРЕОСМЫСЛИВАЮЩЕЕ ЛИДЕРСТВО	115
<i>Глава 4</i>	
ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО	158
<i>Глава 5</i>	
РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО	199
<i>Глава 6</i>	
ТОТАЛИТАРНЫЕ И АВТОРИТАРНЫЕ ЛИДЕРЫ	250

6 Содержание

Глава 7

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ
«СИЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ»

291

Глава 8

КАКОЕ ЛИДЕРСТВО НАМ НУЖНО?

335

БЛАГОДАРНОСТИ

353

ПРИМЕЧАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

356

УКАЗАТЕЛЬ

400

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ СОВРЕМЕННОСТИ МЕЧТАНИЯ О «СИЛЬНЫХ ЛИДЕРАХ» — отнюдь не редкость. В это же самое время «волевые руководители» стран, отдаляющихся от принципов демократии, деловито и энергично консолидируют власть в собственных руках. За пару лет с момента окончания работы над этой книгой крупнейшие демократические государства столкнулись с серьезными внутренними деформациями и значительными вызовами на международной арене. В подобные времена мысль о том, что было бы неплохо найти правильного руководителя героического склада и поручить ему решение всех проблем, выглядит весьма соблазнительной идеей. Один сильный человек на самом верху — и все наладится.

В межвоенный период идея была, в частности, неотъемлемой составляющей привлекательности Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини. Однако в те годы страны, сохранявшие верность идеям демократии, отвергли идеологию *Fuehrerprinzip* и продолжали скептически относиться к «сильным лидерам» и в период после Второй мировой войны. В последние несколько десятилетий представление о способности единственного высшего руководителя разрешать любые важные политические проблемы постепенно приживалось в обществе. Оно стало более распространенным даже в таких парламентских демократиях, как Великобритания, где мы уже не обсуждаем, что предпримет правительство для выработки политического курса страны, а спрашиваем, какое решение примет по этому поводу премьер.

И на президентских выборах 2016 года в США, и на всеобщих выборах в Великобритании в 2017-м, победу одержали кандидаты, подчеркивавшие, какими сильными лидерами они будут в случае избрания. Сила была главным элементом их предвыборных кампаний, хотя в британском случае результаты выборов значительно ослабили позиции премьер-министра, объявившей их как раз для того, чтобы их укрепить. Дональд Трамп набрал почти на три миллиона голосов меньше, чем его соперница Хиллари Клинтон, но благодаря причудливой организации американской избирательной системы с ее

конституционной святыней — коллегией выборщиков в Белом доме оказался именно он.

Восприятие Трампа как «сильного лидера» было одним из факторов, способствовавших его победе. В ноябре 2016 года 36% американцев говорили, что прежде всего хотели бы видеть во главе государства сильного руководителя, при том, что четырьмя годами ранее отдавших приоритет этому качеству было в два раза меньше¹. В ходе предвыборной кампании Трамп всячески педалировал свою крутость и широко воспринимался как олицетворение идеи сильного руководства. Максимизация власти и демонстрация силы уже давно являются объектами похвал Трампа. Его соперница на выборах отмечала, что Трамп в позитивном ключе отзывался о вооруженном подавлении китайским правительством мирных студенческих протестов на площади Тянаньмэнь в 1989 году — он сказал, что «власть показала свою силу». «Вот именно, власть. Трамп не мыслит категориями морали или прав человека, он думает только с позиции силы и превосходства», — добавила Клинтон². В марте 1990 года в одном из интервью Трамп говорил, что продемонстрированная китайским руководством «сильная власть» (которую он тем не менее признал «жесточкой») в лучшую сторону отличается от Михаила Горбачева, который не способен править «достаточно сильной рукой» в Советском Союзе и в результате разваливает его³.

В числе сторонников Трампа оказались люди из социальных групп, которые скорее должны были рассчитывать на помощь демократов, а не девелопера-миллиардера. Он стал президентом, несмотря на полное отсутствие политического опыта и явный дефицит соответствующих знаний. После избрания Трампа члены его администрации возвели «сильное лидерство» в ранг его главного достоинства, даже несмотря на то, что для некоторых из них оно подразумевало возможность сделаться объектом публичного унижения с его стороны. Трамп крайне резко отозвался о генеральном прокуроре Джеффе Сешнзе в связи с его решением не вмешиваться в расследование ФБР российского вмешательства в выборы (в том числе возможности связей команды Трампа с русскими). В интервью телеканалу Fox News Сешнзу был задан вопрос о его отношении к полученной от президента публичной выволочке. «Ну, это, конечно, очень обидно, но ведь президент Соединенных Штатов — *сильный лидер*», — ответил он. (Курсив подчеркивает акцент, сделанный Сешнзом на этих словах)⁴.

В мире американского президента тоже воспринимают как сильного лидера — об этом свидетельствуют результаты опросов населения тридцати семи стран. Их проводил авторитетный вашингтонский Исследовательский центр Пью. И полученные данные наглядно иллюстрируют всю неубедительность увязки понятий «сильный лидер» и «эффективное руководство». Так, сильным лидером посчитали Трампа 55% респондентов, но при этом большинство опрошенных отзывались о нем как о «высокомерном, нетерпимом и скользком» человеке⁵. В самые первые месяцы пребывания на посту, когда общественная репутация президента обычно бывает выше, чем на более поздних этапах, доверие к Трампу в мире было ниже, чем к Обаме даже в конце его второго срока. Только 22% опрошенных выразили уверен-

ность в том, что Трамп «будет поступать правильно в вопросах международных отношений», тогда как Обаме в этом плане доверяли 64 процента. Жители тридцати пяти из тридцати семи стран — участниц опроса оценивали Обаму в целом выше, чем Трампа. Исключение составили только Россия и Израиль⁶.

Исключительно низкий уровень мнения о Трампе в мире повлиял и на репутацию Соединенных Штатов на международной арене. К концу пребывания у власти Обамы к США относились позитивно в среднем 64 процента опрошенных, а к лету 2017 года, с появлением в Белом доме Трампа, эта цифра понизилась до 49%. Наиболее резко доверие к Соединенным Штатам упало в Европе и в странах-соседях — Канаде и Мексике⁷. Социологический опрос, проведенный в Германии в феврале 2017 года, «показал, что надежным союзником считают США только 22% немцев по сравнению с 59% всего тремя месяцами ранее, до победы Трампа на выборах»⁸. Получается, что у человека, который считает себя сильным лидером и выглядит таковым со стороны, совсем не получается завоевывать друзей и оказывать влияние на людей в остальном мире.

В самих США рейтинг Трампа на первом году президентства был ниже, чем у любого другого президента в истории страны. В начале второго года его президентского срока американцев, неодобрительно относившихся к деятельности Трампа, было на 15% больше, чем тех, кто оценивал ее положительно⁹. Он стал первым американским президентом в истории современных социологических опросов, ни разу не получившим поддержки большинства американского населения за время пребывания в должности. И это несмотря на то, что Трамп в основном сохранил свою популярность среди сторонников Республиканской партии. Такая необычная ситуация объясняется именно его неспособностью обеспечить себе определенный уровень межпартийного авторитета, на который обычно опираются в своей деятельности американские президенты.

К беспрецедентно низким рейтингам Трампа в международных и внутренних опросах добавились и неурядицы непосредственно в Белом доме¹⁰. Меньше чем за год Трамп лишился лично отобранных им советника по национальной безопасности, главы аппарата и трех директоров по коммуникациям, последний из которых, Энтони Скарамуччи, не продержался в должности и двух недель. В августе 2017 года Трамп потерял значительно более близкого союзника — в рамках кампании за дисциплину и слаженность действий глава администрации генерал Джон Ф. Келли настоял на увольнении его главного стратега Стива Бэннона. Впрочем, успех этой кампании серьезно осложнился навязчивым стремлением Трампа делать политические заявления посредством «Твиттера» — плохой замены процессу принятия обоснованных решений.

Президентская немилость стала результатом откровений Бэннона о внутренних дрязгах Белого дома. Он был одним из главных источников материала для нашумевшего бестселлера Майкла Вулфа «Огонь и ярость» о закулисных подробностях Белого дома, в котором Трамп описывается, в частности, как «человек, возомнивший себя грозным властителем,» и «па-

родийный вариант персонажа актера Джимми Стюарта в фильме «Мистер Смит едет в Вашингтон»¹¹. В ответ на это президент относительно недавно сообщил, что он «стабильно гениален»¹². Предупреждения об усилении авторитарных тенденций в американской политике, одним из спонсоров и бенефициаров которых является президент Трамп, исходили даже от такого относительно сдержанного органа, как журнал Совета по международным отношениям *Foreign Affairs*. Отмечая, что Трамп приобрел политическую известность «постановкой под сомнение гражданства президента Барака Обамы» и неоднократно называл свою соперницу Хиллари Клинтон уголовницей, три видных американских политолога пишут, что лидеры и партии «все чаще прибегают к крайностям в стремлении ослабить соперников, которых они считают неправыми»¹³. Так, «Трамп зачислил независимую судебную систему и независимую прессу в состав угроз национальной безопасности: судебную отмену первоначальной версии его указа о запрете въезда он назвал «ударом по стране», а главные СМИ считает «вражескими»¹⁴. Ученые приходят к выводу, что президентство Трампа «подорвало убежденность многих американцев в исключительности своей страны» и заставило их осознать «возможность отхода от демократических норм»¹⁵.

Нарастание авторитарных тенденций в увязке с верой в сильного лидера может показаться удивительным явлением для США, но не для России, где миф о сильном лидере господствует уже очень давно. Ниже в книге я цитирую высказывание одного из ближайших советников Михаила Горбачева, Георгия Шахназарова: «На Руси издавна уважают и даже любят грозных правителей»¹⁶. Одной из свежих иллюстрацией этого служат результаты опроса, проведенного Левада-центром в 2017 году. Россиян просили назвать десятку самых выдающихся деятелей «всех времен и народов». На первом месте, причем уже не в первый раз, оказался Иосиф Сталин, которого поместили туда 38% опрошенных. Второе и третье места заняли Владимир Путин и Александр Пушкин с 34 процентами голосов у каждого¹⁷. С таким вопросом Левада-центр обращается к населению ежегодно, начиная с позднеперестроечных времен. В 1990 году 68% респондентов поставили на первое место Владимира Ленина, Карл Маркс был вторым, Петр Первый — третьим, а четвертым — Михаил Горбачев, намного опередивший всех остальных современников. В том году Сталин тоже вошел в десятку с относительно скромными 15%¹⁸. Попадание в список Маркса выглядело исключительным явлением на фоне общей ориентации ответов на российских деятелей, которая усиливалась с каждым последующим годом. В период перестройки предавались огласке и открытому обсуждению многие из сталинских преступлений, тогда как средства массовой информации постсоветской России гораздо больше критикуют Горбачева, чем Сталина, чем, в частности, и объясняется резкое падение числа сторонников первого и такой же резкий взлет популярности второго.

Культ Владимира Путина в современной России не идет ни в какое сравнение с культом личности Сталина, но ощущается достаточно сильно. Телевидение соблюдает табу в отношении критики Путина, хотя в некоторых печатных СМИ ее еще можно найти. Россия пошла по пути авторитариз-

ма, но с отдельными элементами плюрализма: политическая конкуренция и разнообразие мнений в СМИ значительно уступают по оживленности тому, что происходило в конце горбачевского периода и в 1990-х годах, но их невозможно было бы представить себе в доперестроечном Советском Союзе. Миф о сильном лидере приобретает в современной России все большую популярность, хотя его значимость для разных социальных групп неодинакова. Как указывают авторы одного из недавних исследований, «представление о том, что для решения проблем страны нужен жесткий правитель, не обремененный необходимостью соблюдения демократических процедур», не обязательно свидетельствует о наличии симпатий к авторитаризму, но таит опасный соблазн начать движение в этом направлении¹⁹. Данные социологических опросов показывают, что абсолютное большинство россиян «выступает за правление твердой рукой», хотя это несколько варьируется в зависимости от возраста и уровня образования — в частности, так считает подавляющее большинство людей старше шестидесяти с образованием не выше среднего школьного²⁰.

Приверженность граждан идее правящего твердой рукой всемогущего правителя может ослабить позитивный опыт жизни в условиях политической системы с более равномерно распределенной властью. В случае России такой опыт оказался слишком недолгим для оценки преимуществ демократии. Сегодня период наибольшего плюрализма рассматривается в негативном свете, поскольку он сопровождался распадом Советского Союза и непропорционально большим влиянием группы безответственных финансовых воротил (известных также как «олигархи») во время президентства Бориса Ельцина. В России поддержка сильного лидера особенно тесно взаимосвязана с националистическими настроениями. Данные исследований говорят о том, что «отношения противоборства с Соединенными Штатами снижают привлекательность демократического процесса по сравнению с единоличным лидером, правящим твердой рукой»²¹. Соответственно, демонизация Путина Западом и тем более попытки представить Россию жупелом не ослабляют, а, напротив, лишь усиливают российские авторитарные тенденции.

Сегодня в мире стало меньше полномасштабных диктатур, но в XXI веке целый ряд либеральных демократий постепенно утрачивают признаки либеральности и превращаются в гибридные режимы, сочетающие в себе элементы авторитаризма и демократии. Среди стран ЕС национализм и нетерпимость все более настойчиво показывают себя в Венгрии и Польше. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан тщательно поддерживает имидж сильного лидера и считает своим главным преимуществом приверженность идее нелиберальной демократии. Он ужесточил свой личный контроль над венгерскими СМИ и повел кампанию против финансиста и филантропа венгерского происхождения Джорджа Сороса, который и в коммунистический период и позже оказывал значительную помощь развитию плюрализма в Восточной и Центральной Европе (и, кстати, профинансировал обучение в Оксфорде самого Орбана в конце 1980-х). В частности, гнев властей навлек на себя будапештский Центральноевропейский университет — одно

из наиболее известных детищ Сороса. Некоторые из тех, кто в 1988 году создавал вместе с Орбаном демократическую и антикоммунистическую партию Фидес, сетуют на то, что коллективное руководство в ней сменилось личным диктатором Орбана. По словам одного из сооснователей Фидес Иштвана Эгедуса, «мы оказались в своего рода серой зоне между демократией и диктатурой»²².

По сравнению с частичным отходом от демократии в Венгрии ситуация в Турции выглядит значительно хуже. Реджеп Тайип Эрдоган, некогда считавшийся образцовым примером руководителя исламского толка и убежденного демократа в одном лице, почти полностью ликвидировал демократические достижения своей страны. В июле 2016 года он использовал попытку переворота в качестве предлога для подавления никак не связанных с ней критиков режима и политических оппонентов. Оппозиционно настроенные антиклерикалы не поддержали переворот в первую очередь потому, что (как и сам Эрдоган) посчитали его делом рук последователей мессианствующего исламиста Фетхуллы Гюлена²³. После массовых арестов и увольнений предполагаемых оппонентов Эрдоган решил еще больше укрепить личную власть с помощью референдума о конституционных изменениях в апреле 2017 года. Народу предлагалось ответить «да» или «нет» на вопрос об отмене разделения властей и предоставлении президенту еще больших властных полномочий. Несмотря на свое доминирование в средствах массовой информации, сторонники ответа «да» победили «лишь с минимальным преимуществом»²⁴. Таким образом, несмотря на расширение пределов личной власти Эрдогана, его победа выглядит далеко не убедительной и не дает оснований принимать успех диктатуры в Турции за данность.

В главе о революциях и революционном руководстве я предполагал, что египетские либералы, бурно приветствовавшие военный переворот 2013 года, арест президента Мухаммеда Мурси и запрет крупнейшей общественной организации страны «Братья-мусульмане», могут впоследствии пожалеть об этом. За время, прошедшее с момента написания этих строк, Египет стал как минимум настолько же авторитарным государством, как и в период правления Хосни Мубарака. Участники правозащитных движений и лидеры общественных организаций демократической направленности были объявлены «пятой колонной», а внесенные в законодательство изменения «расширяют возможности исполнительной власти преследовать, угнетать и гноить в тюрьмах политических оппонентов и несогласных»²⁵. Надежды на прорыв демократии в арабском мире, появившиеся с началом революционных событий в Тунисе в декабре 2010 года, в основном угасли. Последовали новые авторитарные режимы, анархия, гражданские войны или опосредованные военные конфликты иностранных держав.

Единственной страной «арабской весны», где процесс демократизации устоял, хотя и безусловно, является Тунис. Как отметил покойный Альфред Степан, три тунисские политические партии — две светские и одна религиозная — «обеспечили разноплановое, но взаимодополняющее руководство» и «стали правящей тройкой на период подготовки конституции». С их помощью создалось политическое согласие, представляющее собой ра-

зительный контраст с тем, что произошло в Египте после свержения Мубарака²⁶. Тем не менее Соединенные Штаты выделили безвозмездную помощь на сумму 1,3 миллиарда долларов «авторитарному военному режиму Египта» и «ограничились всего 166 миллионами для демократического Туниса в 2015 году»²⁷. Весьма ограниченный социально-экономический прогресс после падения режима Бен Али в 2011 году привел к опасному расхождению между ростом надежд населения и сохраняющейся нищетой. Ситуацию усугубил Международный валютный фонд, обусловивший предоставление помощи стране с огромной безработицей и крайней степенью социального неравенства выполнением «шаблонных технических» требований²⁸. На фоне «ощущения жестокого разочарования», которое чувствуют многие тунисцы, ее население стало целью рекрутеров ИГИЛ и прочих террористических исламистских группировок²⁹.

Сочетание популизма с неуважением к меньшинствам и даже угрозами в их адрес — характерная черта тех, кто считает себя жестким правителем и хочет выглядеть соответствующим образом в глазах общественности. Об Индии часто говорят как о самой многонаселенной демократии и стране растущей экономической мощи. Помимо прочего, это многонациональное, мультикультурное и многоязычное государство, в основе дальнейшего развития и процветания которого должно лежать единство и признание этнокультурного многообразия. «Отец» индийской независимости Махатма Ганди писал: «Индуисты, считающие, что Индию должны населять только индуисты, живут в мире иллюзий. Индия — родная страна для индуистов, магометан, парсов и христиан, все они соотечественники, и им придется жить в единстве, хотя бы исходя из собственных интересов»³⁰. Неизвестно, насколько эта точка зрения близка Нарендре Моди — премьер-министру Индии с мая 2014 года. Когда в 2002 году в его родном Гуджарате происходили мусульманские погромы, занимавшего в то время должность главного министра штата Моди обвиняли как минимум в благодушии, а то и в прямом пособничестве расправам над мусульманами³¹. На посту премьер-министра Моди придерживается объединительной риторики, не подкрепленной, однако, практическими действиями по искоренению дискриминации мусульманского населения³².

Однако самый худший современный пример преследования мусульман подает не Индия, а населенная преимущественно буддистами Бирма (Мьянма). Возможно, это объясняется не чрезмерной жесткостью, а, напротив, недостаточной твердостью лидера. Несмотря на то что Аун Сан Су Чжи не может занимать пост президента, она является наиболее авторитетным политиком страны и де-факто возглавляет правительство. Однако перспектива сохранения этих позиций выглядит сомнительной в случае ее открытого противостояния с теневой властью — военными, которые поощряют и проводят этнические чистки мусульман-рохинджа. После массовых убийств и сожжения дотла нескольких тысяч домов более полумиллиона рохинджа были вынуждены бежать в соседнюю Бангладеш, где влачат жалкое существование. А в Бангладеш «исторически игнорируют бедственное положение рохинджа и выдавливают их обратно в Мьянму»³³.

Поскольку буддийское большинство населения Мьянмы не испытывает особого сострадания к мусульманскому меньшинству, выступить в защиту рохинджа означало бы для Аун Сан Су Чжи рискнуть своим главным преимуществом перед военными — широкой народной поддержкой. Однако непризнание многочисленных фактов грубых нарушений прав человека в отношении этого меньшинства, многие из кланов которого живут в этой стране уже много веков, сильно испортило репутацию Аун Сан Су Чжи в глазах мирового сообщества и почти полностью разрушило ее моральный авторитет, накопленный за долгие годы противостояния военной диктатуре в качестве лидера бирманской оппозиции³⁴. Как считает Золтан Барани, «совершенно очевидно, что Су Чжи не готова платить политическую цену за использование своего влияния и огромного международного авторитета в деле защиты преследуемого народа, оказавшегося перед лицом этнических чисток, а возможно, даже и полного истребления»³⁵. Помимо этого, она не слишком поощряет разнообразие взглядов в собственной команде и окружает себя людьми, чье главное качество составляет личная преданность, вместо того чтобы «уступить часть авансцены другим демократическим деятелям, на протяжении долгого времени испытывающим огромные страдания, но не столь же знаменитым»³⁶.

Мьянма представляет собой в лучшем случае крайне хрупкую демократию с крайне серьезными проблемами. Индия остается государством жизнеспособной плюралистической демократии в отличие от Китая — другой великой азиатской державы. Сегодня в авторитарной политической системе Китая власть не настолько концентрирована в руках одного человека, как это было в годы господства Мао Цзэдуна. Как я отмечаю в книге, трансформация китайской экономической системы и стремительный (хотя и крайне неравномерный) рост уровня жизни пришлись на период более коллективного руководства, последовавший за смертью Мао. Напротив, недавние шаги, направленные на еще большее возвышение председателя КНР и лидера компартии Си Цзиньпина над коллегами, вызывают серьезную обеспокоенность. В октябре 2017 года съезд компартии Китая единогласно принял решение о включении в Конституцию страны не слишком броской формулировки: «Идея Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой». Это можно считать попыткой поднять историческое значение нынешнего руководителя страны до уровня, сопоставимого с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином³⁷. Если Дэн (в отличие от Мао) никогда не поощрял культ своей личности или идей (его имя было внесено в Конституцию только посмертно), то сразу же после принятия конституционного решения китайские образовательные власти объявили о планах создания научных учреждений по исследованию «идей товарища Си»³⁸.

Однако по степени личной диктатуры Китай не идет ни в какое сравнение с Северной Кореей. Своей воинственной риторикой и испытаниями ракет малой и средней дальности, а теперь уже и межконтинентальных, Ким Чен Ын встревожил не только своих соседей, но и Соединенные Штаты. Азарт, с которым он взялся за расширение программы пробных пусков, привел, в частности, к пролетам ракет над территорией Японии. Агрессив-

ные заявления Пхеньяна натолкнулись на не менее воинственные тексты Дональда Трампа (заявившего в том числе, что тогдашний госсекретарь Рекс Тиллерсон попусту тратит время на попытки диалога с северокорейским режимом) и вызвали тревогу Южной Кореи, для которой перерастание словесной войны в настоящую означало бы катастрофу. Непредсказуемость Трампа привела к межкорейским встречным дипломатическим шагам по разрядке напряженности между Севером и Югом, которые были предприняты во время зимней Олимпиады в феврале 2018 года. В том, что касается внутренней политики, в 2017 году Южная Корея явила миру один из самых обнадеживающих примеров заслуженного наказания, которое может понести излишне самонадеянный руководитель государства — в данном случае, правда, речь идет о руководительнице. Конец коррумпированному и деспотичному правлению президента Пак Кын Хе (дочери диктатора Пак Чжон Хи) положил импичмент, ставший следствием массовых мирных протестов населения и продемонстрировавший независимость законодательной и судебной власти от главы исполнительной.

Испания была одним из наиболее успешных примеров демократизации, которая проходила в этой стране на протяжении трех последних десятилетий XX века. Однако во второй половине 2017 года там разразился конституционный кризис. Политический стиль Адольфо Суареса, сыгравшего главную роль в демократических преобразованиях в Испании (ему уделено особое внимание в главе о преобразующем лидерстве), отличали терпеливость, внимание ко всем точкам зрения и коллегиальность. Несмотря на собственную консервативность, Суарес добился блестящего успеха, сделав участниками политического и конституционного процесса социалистов и коммунистов и, что особенно важно в свете сегодняшних испанских проблем, своенравные регионы — Каталонию и Страну Басков. В разразившемся в 2017 году кризисе подобный тип руководства отсутствовал и в Мадриде, и в Барселоне. Заявляя о незаконности референдума о независимости Каталонии, объявленного президентом Каталонии Карлесом Пучдемоном, испанский премьер-министр Мариано Рахой основывался на Конституции страны. Однако он не последовал примеру Суареса и не вступил в диалог и переговоры — верной возможности найти способ предоставить Каталонии еще большую автономию и охладить пыл сторонников полной независимости. Для разрешения внутренних каталонских противоречий и примирения между Мадридом и Барселоной нужен был не «сильный лидер», а умелое и гибкое руководство с обеих сторон, образец которого был продемонстрирован сорока годами ранее.

Выборы 2017 года во Франции и Германии укрепили правительство в первой из этих стран и ослабили во второй. Французский президент Франсуа Олланд понимал, что слишком непопулярен, чтобы идти на второй срок, и предоставил возможность занять вакантную политическую нишу Эмманюэлю Макрону. Учитывая тот факт, что Макрон создал свое политическое движение «Вперед!» лишь в апреле 2016 года, его победа на выборах выглядит знаменательной. К тому же Макрон стал самым молодым главой французского государства со времен Наполеона — на момент избрания ему